

Стихи и проза

НОВОМОСКОВСК
2015

УДК 821.161.1(081) Топчий А.

ББК 84(2Рос=Рус)

Т58

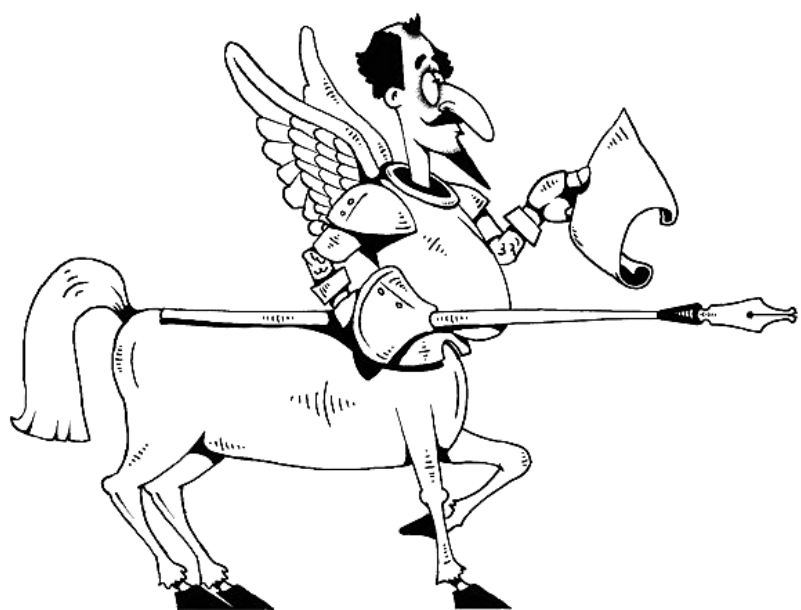
Топчий, Александр

Нескучный сад : стихи, проза / Александр Топчий. - Новомосковск :

б/и., 2015. - 104 с.

В авторской редакции
Компьютерная вёрстка, оформление –
тоже дело рук автора

Я не помню своего самого первого стихотворения. Опубликованное ниже – не первое, но самое раннее из тех, что каким-то чудом до сих пор сохранились в памяти. Написан данный опус был по заказу моей старшей сестры-пятиклассницы для новогодней школьной стенгазеты. За две последние строки сей нетленки был автор впоследствии нещадно воспитуем, поименован малолетним очернителем советской действительности и диссидентом сопливым, в результате чего понял: поэтическая стезя есть штука скользкая, а удел поэта – непонимание и неблагодарность окружающих...

Было автору в ту пору 5 лет и 8 месяцев.

Новогоднее

Двенадцать раз куранты бьют,
Зажглись огнями ёлки!
На них игрушки там и тут:
Шары, снегурки, волки...

А Дед Мороз уже несёт
Подарки ребятишкам
И просит взрослых в Новый год
Не напиваться слишком!

Декабрь 1964 г.

Бывает и хуже

*«Люблю твоих тенистых улиц лоск,
Любимый мой Новомосковск!»
(Идиотская «растяжка», висевшая над одной
из улиц нашего города. Автор этих пламенных
строк, к моему большому сожалению, сумел ост-
аться неизвестным.)*

Иду по грязище...
Простите, – по лоску!
Надел (ради рифмы) костюмчик в полоску.
Нетрезвый мужчина раскинулся в луже...
Лежи,
отдыхай!
Мы видали и хуже...

У дома напротив – подростки толпятся.
Вовсю матерятся: «А чё, блин, стесняться?!»
Им русский язык лишь для мата и нужен...
Но, впрочем, на «зоне» «базарят» и хуже!

В «маршрутках» водители – сплошь меломаны:
Ревёт не попса, так блатняк постоянно;
Мечтаешь быстрее оказаться снаружи!
Однако пешком десять вёрст – это хуже...

Повсюду – реклама: витрины, плакаты;
Порою – безвкусны, порой – глуповаты,
Иные – с грамматикой просто не дружат...
Но – в Африке русским владеют и хуже!

Вот стенд, и газетка на нём городская.
Стоит гражданин и плюётся, читая:
«Ведь врут, паразиты! Да так неуклюже!»
Ещё не привык? Нам ведь ввали и хуже...

У «Белого дома» – солидные дяди:
Мундепы, чиновники, прочие б... боссы.
Все – слуги народа! Отечеству служат!
Так что ж вы...
но, может, есть где-то и хуже?!

Центральная площадь. К утру здесь красиво:
Окурки, обёртки, стекло из-под пива,
Шприцы и плевки молодёжи досужей...
Хотя я слышал, что в свинарнике – хуже!

* * *

...Устал я, признаться, по городу шляться.
Пора бы, наверно, домой возвращаться:
И стиш мной написан,
и ужин заслужен!!!

...Постскриптум:
Видал я стишки и похуже.

2009 г.

Обидно...

Я на случай нехватки сюжетов
Изложу вам, ребята, простой:
Был серебряный век у поэтов,
У поэтов был век золотой;
Но, увы,
не покажется странным,
Если в этот реестр веков
Двадцать первый войдёт
«деревянным»:
За обилие пней
и дубов.

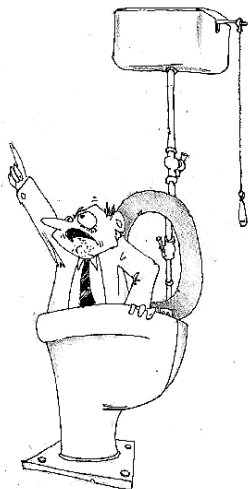
Теория и практика

Вы – царь и бог теорий.
Всё зная обо всём,
Всегда готовы в споре
Талдычить о своём.

Пойдёт за словом слово,
Польётся словопад...
Утопите любого
В болоте из цитат.

Эффектны ваши фразы
Про симфоры, эмфазы,
Синкопы, белый стих...

Но – пишете стишки вы...
Они, увы, фальшивы,
Как пение глухих.

Бумага терпит...

Увы, давно заведено
Среди людей такое:
Как проповедовать – одно,
Как делать – так другое...

К примеру, взять поэта К.
В его стихах, что ни строка,
То прямо заклинанье:
Про то, что надо честно жить,
Что надо правдой дорожить,
Про совесть, состраданье...

Но я знаком с поэтом К.
И не встречал ещё пока
Двуличнее созданья.

2003 г.

Восклицунюшка

...С оголтелым оптимизмом
Рассыпáла дланью щедрой
Восклицательные знаки
По написанным стихам,
Полагая, вероятно:
Если много этих знаков –
Значит, жизнеутверждающ
И возвышен стиль её.

Восторгалась речкой, тучкой,
Колоском, жучком, берёзкой,
Дедом, бабкой, внучкой, Жучкой,
Кошкой, мышкой и собой;
И топорщились, торчали,
Словно гвозди сквозь фанеру,
Восклицательные знаки
Изо всех её стихов.

В чём мораль?
А нет морали.
Если есть – найдите сами.
Знаю: каждый пишет в меру
Дарованья и ума, –
Только очень уж фальшиво,
Если чуть не в каждой строчке –
Умиления, восторги
И сюсюканье взхлёб.

Годен!

За редким исключением,
Поэты – люди пьющие;
Не то, чтоб неимущие,
Но – денег не гребущие.
За тем же исключением
Себя считая гением,
Любой потомкам пыжится
Свою оставить книжицу.

Сумел и я сподобиться –
Стишата в книжки сложены;
Мильонов нет, как водится, –
Ну, в общем, как положено.
По части алкоголя –
Отнюдь не исключение
(Но, чем годков мне более,
Тем чтой-то пью я менее).

По этим показателям
(Грех клясть судьбу кургузую!)
Я годен быть писателем –
С приличной личной Музою,
С Пегасом дрессированным,
Со взором пронизательным!
Всё, братцы, обосновано,
Всё, братцы, замечательно!

А что до одарённости,
Таланта, вдохновения,
Всё это – так... условности,
Излишние для гения!

Мой квартет

Я сам себе и льстец, и критик первый,
Я сам себе и Пушкин, и Дантес.
Эх, братцы, как же действует на нервы
Такой стихописательный процесс!

Одни твердят: «Вот это то, что надо!
Какой охват! Какая глубина!»
Другие называют верхоглядом,
Который видит жизнь – лишь из окна...

Льстец голосит: «Нетленно! Гениально!»
И Пушкин вторит: «Ай да сукин сын!»
Кривится критик: «Простенько... Банально...»
Дантес, глумясь, хихикает в усы...

Поверить всем – так ум зайдёт за разум!
Но как понять, кто прав из них, кто нет?..
Вот ниспослал же мне Господь заразу –
Такой несогласованный квартет!..

И чувствую себя... пусть не бараном,
Но точно – Буридановым ослом...

Зато не стану, братцы, графоманом, –
И в этом мне с квартетом повезло!

Злорадное

Вот взять – и сдохнуть всем назло!

Тогда бы все сказали:

«Ах, как же нам не повезло –

ПОЭТА потеряли!»

Всплакнёт писательский союз,

Утративший Орфея,

И установят медный бюст

У дома корифея,

И скорбно скажет Президент

На всю страну с экрана:

«Ушёл от нас – в расцвете лет,

В расцвете сил – большой поэт,

Покинул нас так рано!..»

Напишут: «гений», то да сё,

Мол, «наша совесть», «наше всё»,

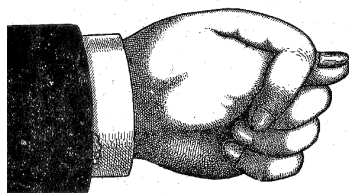
Поспешно тиснут книгу, –

А я в гробу перевернусь,

Ехидно эдак улыбнусь

И покажу им фигу.

ОТЪ ЧИСТАГО СЕРДЦА!

Отчасти шуточное посвящение моим пьющим друзьям

Мы выпили прилично...
Совпало всё отлично:
Володька на больничном,
И в отпуске Юрец, –
А в магазине «Сказка»
Есть водка и колбаска,
Сок, хлеб, конфеты «Маска»,
А также огурец!

...Вот утро. Понедельник.
В квартире – просто рай:
Ни курева, ни денег, –
Ложись да помирай.
Пустая стеклотара
Шеренгой у стола.
В углу стоит гитара
(Похоже, что цела!)
Вчерашние окурки.
Просыпанная соль.
Стаканы, корки, шкурки
И – головная боль...

Но – как вчера сидели!
Как пили за любовь!
Какие песни пели –
Есенина, битлов!
Свои стихи читая,
Не плакали едва...
И, это вспоминая,
Я трезво понимаю:

Ах, ерунда какая –
Больная голова!

Ничтожная расплата
Для истинных мужчин
За ощущение брата,
За лица без личин.
И мы сойдёмся вместе
Ещё не раз, не два, –
В конце концов,
не треснет
От боли голова!

Верный семьянин

Примерным семьянином был Адам!
Ни разу в жизни не ходил «налево», –
Поскольку на Земле в ту пору
дам
И не было других –
Одна лишь Ева.
Ему не приходилось выбирать:
Блондинку ли, брюнетку ли, шатенку, –
Господь не удосужился создать
Монополистке Еве конкурентку.

Конечно,
в ситуации такой
Хранить супруге верность очень просто!
А вот у нас есть выбор.
Да какой!
По гороскопу, ножкам, весу, росту,
По цвету глаз ли, кожи ли, волос, –
По тысяче нюансов самых разных...
Ах, как легко, Адам, тебе жилось:
Ты знать не знал об этих соблазнах!

А нам – при избытке дев и дам –
Как устоять?
Не мужики мы, что ли?

Да, верным семьянином был Адам, –
Но ясно всем,
что только поневоле!

Прекрасная!..

Она была прекрасна!
В самом деле!
Я слов её не слушал, –
я смотрел...
И Купидон уже привычно целил
В меня одной из самых длинных стрел...

И вдруг расслышал я:
«В двухтыщепятом
Принёс мне чел катáлог портфелéй...»

...Ругнулся Купидон сквозь зубы матом,
Сломал стрелу
и попросил:
«Налей»...

Трагикомедия

Любили женщины меня...
Красивые и длинноногие,
Чудные,
чудные,
убогие, –
Ну, в общем, разные и многие
Любили женщины меня.

А я – всегда любил одну...
Да, было – куролесил с девами,
Грешил, как говорится, с «левыми», –
Но – будь они хоть королевами! –
Любил,
искал
тебя одну.

Трагикомический сюжет:
Лишь, так сказать, на склоне лет,
Имея пенсию и лысину,
Сумел я «въехать» в эту истину...

О любви

...Уехать к чёрту на кулички,
Где и Макар телят не пас!
Лелеять вредные привычки
Вдали от любопытных глаз:
Ночь напролёт терзать гитару,
Курить, улёгшись на кровать,
Из-под спиртного стеклотару
В ряды вдоль стен формировать,
Не просыпаться спозаранку,
Ходить небритым, «подшофе»,
На сеновалы влечь пейзажку
С бедром, подобным галифе,
И – позволять душе лениться!
И телу то же позволять!
Пускай степная кобылица
По ковылям летит, как птица,
Но мой ковыль – не смеет мять!

Вот это, братцы, долъче вита,
Вот – всем на зависть – се ля ви!..

...Читатель спросит ядовито:
«А что ж ни слова о любви-то?»

Да тут все буквы – о любви!

О люмпенах

Сидели «люмпен-пролетарии».
Играть пытались на гитаре и
Вели словесные баталии,
Пия напиток самогон;
И «пролетарка» худоногая,
В вопросах этики не строгая,
Не наливать просила много ей,
Сморкаясь шумно на газон.

И выдавали «пролетарии»
О всех прохожих комментарии, –
И был похож на гениталии,
По их словам, любой вполне!
Нёс ветер запахи сивушные
И оевал мурла синюшные,
И матюки привычно-скушные
Плевками висли на спине.

Картина, в общем-то, привычная,
Для «демократии» типичная;
Провинциальная, столичная –
Не различаются ничем...
Ах, вас бы, «люмпен-пролетарии»,
Держать бы где-то в серпентарии!
Но, впрочем, там – живые твари, и
Я не желаю им проблем...

О дегенератах

В потёртых джинсах, драной куртке
Брожу по городу, поддатый.
Меня своим считают урки
И прочие дегенераты.

Могу на танк с ножом (по пьянке),
Любому дам уроки мата!
Меня за это ценят панки
И прочие дегенераты.

Всех веселю, когда я в духе,
Швыряю деньги без оглядки;
Меня за это любят шлюхи
И прочие дегенератки.

Когда их всех мне станет мало,
Включаю телек: там дебаты!
«Дом-два»! «Аншлаги»! Сериалы! –
И прочие дегенераты.

«Покончим с бедностью в России!» –
Кричат с экрана «демократы».
Им свято верит бомж Василий
И прочие дегенераты.

А мне плевать на эти бредни,
Я улетаю завтра в Штаты:
Рокфеллер умер!
Я – наследник!!!
...Ну что «хи-хи», ... ?

Ну, а всерьёз – пишу стихи я.
Стихи – мой мир, моя стихия,
Мои вожди,
мои солдаты...
Кто говорит о них: «Плохие» –
Вот те и есть дегенераты.

Письмо Филиппа К. бывшей супруге его, Алле П.

(По мотивам «Письма матери» С. А. Есенина, – да простит меня Сергей Александрович!)

Ты жива ещё, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Как там Криська? Шустрая девчушка!
Вышла снова замуж или нет?

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ездешь на дорогу
В старомодном длинном «Линкольне».

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто мне Билан в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная. Слышишь, Алка?!
В жизнь меня Билану не поймать!
Не такой уж горький я... А жалко.
Был бы Горький – написал бы «Мать»...

Я по-прежнему такой же нежный,
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб, срубив с лохов побольше денежек,
Возвратиться в ма-а-ленький наш дом.

Я вернусь, как новый: с пылу, с жару!
Только ты меня, родная, впредь
Не меняй на разных там фигляров:
От обиды ж можно умереть!..

И пиару не учи меня. Не надо:
Всё я в нём постиг, загадок нет!
Пусть кому-то – галкины отрада,
Но для всех Я – несказанный свет!

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
И не езди больше на дорогу
В старомодном длинном «Линкольне».

Принц

Я прискачу к Вам на белом коне,
С парусом алым на гордой спине;
Весь из себя и высок, и плечист,
Ликом чеканным и ясен, и чист.

Хто тут до принцев охоч? Выходи!
Щястье Вас, барышня, ждёт впереди!
Губ Ваших алых губами коснусь...

...Тьфу ты!
Проснулась!
Ну – завтра доснюсь...

У дверей

1

...Отворяются двери Валгаллы.
«Заходите!» – сам Один зовёт. –
«Вас, героев, становится мало, –
Знать, мельчает с годами народ...»

2

...Дверь открыв, опечалился Пётр,
Христианского рая ключарь:
«Божьи люди, всё меньше вас что-то;
То ли было, мне помнится, встарь...»

3

...У дверей мусульманского рая
Магомет негодует: «Беда!
С каждым годом всё меньше встречаю
Правоверных, дошедших сюда...»

4

...Двери камер, ворча, проверяет
Всё издавший седой старшина:
«Понабились – тюрьма не вмещает!
Впрочем, как и во все времена...»

Птица

Рекламный мир настолько нагл и гадок,
Что впору, как от нечисти: крестом...
Летит страна
на крылышках прокладок,
Намазавши «Рексоной» под хвостом,
В колготки «Омса» втиснув ягодицы,
«Макс фактором» себе малюя глаз...

Реклама!
Я тебя сравнил бы с птицей!

Конкретно –
с дятлом,
задолбавшим нас.

Странности футбольные

Вовсю – неистово и страстно –
Шумит «болеющий» народ.
Над стадионом громогласно
Несётся: «Русские, вперёд!»

Ну, как же тут не вдохновиться?!
И – вытворяют чудеса
Рондон, Майкон, Кураньи, Витцель,
Вальбуэна, Ари, Муса,
Халк, Ананидзе, Эльм, Огуде...

Смотрю – и смех меня берёт,
Когда играют эти люди
Под крики: «Русские, вперёд!»

Предвыборное

Изберите меня депутатом!
Я ж не хуже любого из них
Ни по части владения матом,
Ни в искусстве плетенья интриг!
Будет нужно – совру, не краснея,
Оппонента – для рейтинга – пну;
Прослыву патриотом, умея
Показушно радеть за страну.
Буду рваться за славой дешёвой,
Лезть на телеэкран (как и все),
Появляться в бесчисленных «шоу»
В непорочной госдумной красе.
Стану сытым!
Известным!!
Богатым!!!

...Что?
Россия???
Не сдохнет, фигня!

Изберите меня депутатом!
Ну пустите к кормушке меня!!!

Болванчик

Смешной болванчик из Китая
Качает мерно головой...
Сижу нахохленной совой,
За ним тихонько наблюдаю.

Он сытый,
кругленький, как жбан.
Многозначителен, вальяжен...
И я слегка теряюсь даже –
Как важно выглядит болван!

И, словно предостерегая,
Что так обманчив внешний вид,
Стоит болванчик из Китая,
Безмозглой головой мотая...
Спасибо, что хотя б молчит! –

Ведь сколько таких болванов
Нас учит жить
с телеэкранов...

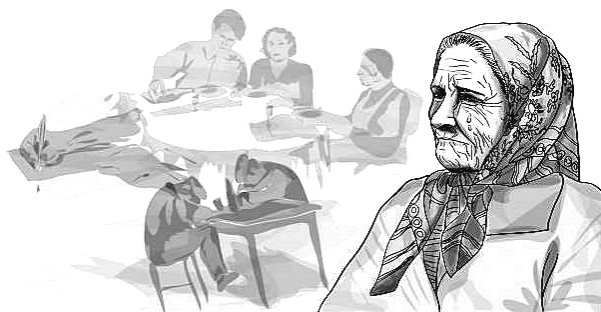

Столичный внучек

У Серёги – жена Ангелина:
Манекенщица, фотомодель.
Сам Серёга – навроде пингвина,
А супруга – что твой журавель!
У Серёги пиджак от Армани,
«Мерседесовский» джип в гараже,
Цепь на шее и «евры» в кармане, —
Правда, яйца не от Фаберже.
У Серёги, помимо квартиры,
В Подмоскowie не дача – дворец!
А в дружках – депутаты, банкиры,
Адвокаты и модный певец.

...А Серёгина бабушка Настя
Всё носила свой старый салоп,
Карамельку считала за счастье...

На Покров померла в одночасье.
По дворам собирали на гроб.

ХРОНИКИ ДЕРЕВНИ ЗАМАНИЛОВКИ

1. Утро Евграфыча

«Поэту-деревенщику» В. Кирееву

Встало солнце над деревней,
Расталдыкнуло
лучи.

За избой Евграфыч древний
Брызжет струйкою мочи.

А она журчит, сверкая,
Орошая лопухи, –
Вся исконная такая –
Как Киреева стихи.

В синем небе птички вьются.
Плещет в речке детвора.
Позабывши застегнуться,
Дед выходит со двора.
Он, Евграфыч, дед бедовый –
Из народа, от сохи!
Заскорузлый и кондовый, –
Как Киреева стихи.

Он в сельпо шагает спешно
(Вдруг да водку привезли?) –
И любит, конечно,
Красотой родной земли.
Чу! Мычит в лугах корова!
Матерятся пастухи!
Всё по-русски, право слово, –
Как Киреева стихи.

Вдоль дороги – клёны, клёны, –
Просто глаз не оторвать!
Дед вздыхает просветлённо:
«Хорошо,
япона мать!»
Видно, вспомнил,
как геройски
Спёр полтинник у снохи...
Он мужик простой и свойский, –
Как Киреева стихи.

Вот заветная постройка, –
Тянет, манит и влечёт.
Мчится дед,
как птица-тройка:
Вдруг закроют на учёт?
Купит водки для обеда,
Папирос и требухи...
Эх, сермяжный вкус у деда!
Как Киреева стихи.

Пахнет сеном над лугами –
Лучше всяких чайных роз!
Мчится дед.
И под ногами
Смачно хлюпает навоз.
А кругом кричат беспечно,
Натоптавшись, петухи...

Жизнь, Евграфыч, бесконечна!..

Как Киреева стихи.

2. Удивительное – рядом

Мы не верили в байки и бредни
О загадках летающих тел, –
Но над нашей деревней намедни
Во-о-от такой НЛО пролетел!

Мужики
и, конечно же, бабы
Собрались обсудить у плетня:
Что за странный воздушный корабль?
И к чему бы такая фигня?

Докопаться хотели до сути.
А Евграфыч
(такое трепло!)
Заявил:
«Это балует Путин.
Он в Китае купил НЛО».

Брехуна осмеяли немедля
(Даже, кажется, пнули в сердцах), –
И... па-а-шли разговоры
о ведьмах,
Снежных людях,
живых мертвецах...

С той поры все в деревне, как дети, –
Даже этот осмеянный дед, –
Твёрдо верят
и в Несси,
и в йети,
И в пришельцев с далёких планет.

3. Наши гурманы

Гонит Евграфыч тайком самогон
В старенькой баньке.
Смотрит влюблённо,
как капает он
В горлышко банки.
«То-то же, – думает, –
мне, старику,
Будет отрада!
А магазинного нам коньяку
Даром не надо:
Крепость не та,
да и вкус не ахти, –
Химия вроде...
Понамешают бурды-то, поди,
Там, на заводе!
Свой – он пользительный,
чисто как мёд, –
Тут без прорухи...»
И над ночью деревней плывёт
Запах сивухи.

Тянутся к баньке –
на запах, видать, –
Смутные тени.
Крякает кто-то, вдохнув:
«Благодать!
Лучше сирени!»
Бьются о стены, нюхнув эликсир,
Пьяные мухи...
И улетает к звезде Альтаир
Запах сивухи.

4. Как мы чуть не раскрыли антироссийский заговор, или Родня великого поэта

Интересные дела:
Манька негра родила!
Наши ей не угодили –
Чернокожего нашла!
Удивляется народ:
От кого ж такой приплод,
Если к нам ближайший негр
Чёрт-те знает где живёт?!
Манька ж дальше сеновала
В жизни сроду не бывала...
Не иначе, как шпион
К нам из Африки внедрён!
Днём он ходит в белом гриме –
Маскируется под нас,
Откликается на имя
«Дормидонт», а может, «Стас»;
Но, едва настанет полночь,
Этот самый Дормидонт
К нашим бабам лазит, сволочь –
Чтобы портить генофонд!
Из какой-нибудь Зимбабвы
Он затем и заслан, гад,
Чтоб рожали наши бабы
Зимбабвийских негрят.
А годков так через двадцать
Получившийся народ
От России отделяться
Потихонечку начнёт:
«Мы, мол, это... зимбабвяне,
Нам Россия – не родня...»

Вот вам, братцы-россияне,
И ещё одна Чечня!

Только ж мы не лыком шиты,
Африканский «мистер Бонд»!
Поумерьте аппетиты:
Ваши замыслы раскрыты,
Будет пойман и побит он,
Ваш засланец Дормидонт!
Встанем завтра мы поране,
Соберём в колхозной бане
Всеумужицкий местный съезд
И устроим опознание –
С предъявлением нашей Мане
Этих... ну... интимных мест.
Кто бы ни был он по рангу –
Не отвертится мужик:
Опознаем чунгачангу,
И придёт ему кирдык!

...Всё учли мы в нашем плане.
Но его уже у бани
Манька, дура, сорвала!
Нам бумагу показала:
Мол, наследственность разыграла, –
В крепостных у Ганнибала
Прапрабабушка была...

5. Рассказ механизатора Валеры о том, как он бросил пить из-за нелюбви ко квартальному планированию

Вы не смейтесь!
Помню чётко,
Я ведь был почти не пьяный!
Увидал я, братцы, чёрта
После третьего стакана...
И кричу ему с угрозой:
«Ты чего – очертенел?
Я ж совсем ещё тверёзый,
Я ж ещё обычной дозы
Ни фига не усидел!»
Он в ответ:
«Кончай ругаться.
Поспешил, – звиняй, мужик!
Исчезаю!
В девять двадцать
Будь любезен в хлам надраться,
В девять двадцать я – как штык!»
И вздохнул:
«Такая штука...
Ты, мужик, меня поймёшь:
Я ж квартальный план по глюкам
Должен сделать, хошь не хошь!
А пока что – как фанера,
Пролетаю...
Ну, Валера,
Ты того... не подкачай!»
Вытер, жаба, хвост портьерой
И пропал... Воняло серой...

С той поры я пью лишь чай.

6. Откровения агрария Валентина о себе и о поэзии

Я сугубо земной, деревенский мужик.
Не красавец, – но, в общем, неплох.
Я копать в земле и в навозе привык...
Городские сказали бы: «Лох».
Я люблю Пугачёву, кино «Бумбараш»
И стихи про крестьянскую Русь;
Знаю меру в спиртном:
день попил – и шабаш,
И ни капли!.. пока не проснусь.
Не смотрите, что я неучён, «от сохи»:
Пусть нескладно, зато от души
Я вчера сочинил самолично стихи –
Как от ветра шумят камыши,
И как гнутся деревья ночью порой, –
Ох, и тёмная ночка была!...
В клубе их прочитал – и теперь я герой,
Местный Пушкин и гордость села!
Что за чудо – обычный тетрадный листок!
Пустячок, – но положишь на стол,
Нацарапаешь кучку рифмованных строк –
И за умного, смотришь, сошёл...
А всего и делов-то (открою секрет,
И поймёт его даже малыш):
Взять из песни, слегка переделать куплет, –
Вот как я – про шумящий камыш...

7. Письмо механизатора Василия на сайт знакомств одной австралийской гражданке

Влечёт охота к перемене мест
Кого туда, ну, а кого сюда...
И над тобой мерцает Южный крест,
А надо мной – Полярная звезда.

Там у тебя ручное кенгуру,
И какаду поёт над головой, –
А я лечусь рассолом поутру
И радуюсь, что, кажется, живой.

Ты бродишь в эвкалиптовом лесу,
Где, как плоды, коалы там и тут, –
А я бутылки мытые несу
Сдавать за медный грош в приёмный пункт...

Пора ломать привычную тюрьму!
И пусть меня никто нигде не ждёт,
Продам свою избушку – и возьму
Билет на самый быстрый теплоход.

И в Мельбурне каком-нибудь сойду
На тёплый берег – кумом королю:
Привет, ребята! Хау дую ду
И это... как там... цигель ай-люлю!

Среди кенгур, коалов и ехидн
Тебя найду – и заживём без бед!
И будут в доме песни и стихи,
И будут утконосы на обед.

Я посажу берёзку под окном,
Картошку, лук, редиску... благодать!
И австралийским слабеньким вином,
Клянусь, не буду злоупотреблять.

Тогда – пусть хоть с утра и до утра
Завклубом наш (ох, вредный человек!)
Орёт в мой адрес, как орал вчера,
Что я австрало... как его... питек!

8. «Испорченный телефон», или Новая футбольная легенда

Мужики футбол смотрели.
Как умели, так болели.
Громко, с видом знатока,
Горячился дед Лука:
– Что ты водишься? Отдай
Вон тому, на левый край!
– Ах ты ж, мать его ятит!
Надо бить, а он финтит!
– Прессингуй! Теперь подкат!
– Не рискуй, отдай назад!
– Ах вы, черти! Ну хоть плачь:
Передерживают мяч!
...Так витийствовал Лука
До финального свистка.

Одобрляли мужики
Комментарии Луки:
– Ай да старый! Ну, мастак!
– Шёл бы тренером в «Спартак»!

...А наутро у плетня
Изумлялась ребятня:
– Вы слышали? Дед Лука –
Бывший тренер «Спартака»!

– Ха! «Спартак»!.. Лука «Реал»
Восемь лет тренировал!
У него тогда в «Реале»
Яшин с Бекхэмом играли,
Черенков...
– И Кантона!
– Ух, какие имена!!!
– А Гарринча? Вспоминай-ка!
– Не Гарринча, а Пеле!..

...Так очередная байка
Родилась у нас в селе.

Пифагор

Жил когда-то древний грек,
Пифагором звался.
Человек как человек:
Спортом занимался;
Говорят, известен был
И любим в народе,
И чего-то сочинил, –
Теорему вроде:
«Пифагоровы штаны
Во все стороны равны»...

За какой, однако, вздор
Нам известен Пифагор!..

Архимед

Что помним мы о нём со школы?
Придумал винт (а может, вал),
По Сиракузам бегал голым
И слово «Эврика» орал.

Он не был пьян, не хулиганил,
Он просто праздновал, чудак! –
Открыл закон, купаясь в ванне,
И сформулировал вот так:

«Тело, впернутое в воду,
Выпирает на свободу
С силой выпертой воды
Телом, впернутым туды»...

За какой, однако, бред
Нам известен Архимед!..

Герострат

Ну, что сказать про Герострата?
Хотел он славы на века,
Но в Древней Греции, ребята,
Не мог прославиться никак,
Поскольку был он не поэтом,
Не мудрецом и не атлетом,
Не путешественником смелым,
Не архитектором умелым,
Не героическим солдатом,
А так... обычным геростратом.

Так что ж удумал сей дебил?
Храм Артемиды он спалил!
А храм был признан чудом света, —
Не знала равного планета...

Так стал известен Герострат:
Узнал о нём и стар, и млад...
А вы задумайтесь, ребята:
Кто к славе прёт любой ценой,
Тот, знать, на голову больной:
Позорна слава Герострата!

Наполеон Бонапарт

Наполеона знает каждый.
Он всех врагов сметал с пути, –
Но дёрнул чёрт его однажды
За реку Неман перейти.
Он был в своей уверен силе:
У ног лежал весь Старый Свет;
Ну, а у лапотной России,
Казалось, вовсе шансов нет.

Сперва легко, как по Европе,
Победоносно шёл он, – но
Вдруг получил пинка по рифме
В сраженьи при Бородино!

А после мудрый змий Кутузов
Решил в Москву пустить французов.
И те вскричали: «Манифик!
Тре бьен! Победа вновь за нами!
Склони своё, Россия, знамя
И покорись!»
Но вот уж фиг.
Никто не думал им сдаваться,
Склонять знамёна, покоряться:
Страна с потерюю Москвы
Не потеряла головы!

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром...

...Молчу, на эти строки глядя:
Ведь это ж – лермонтовский «дядя»!..

И, хоть убейте, не пойму,
Зачем он здесь и почему...
Я разберусь попозже с ним, –
Сейчас вернусь к стихам своим.

...Сидел в Москве полусожжённой
Не победитель – побеждённый,
Угрюмый, злой Наполеон.
Солдаты грабили и пили,
А он всё думал: «Или – или»...
И наконец-то понял он,
Что всё пропало. В войске – голод,
И доконает войско холод,
Поскольку близится зима,
А зимы здесь – сойдёшь с ума;
И что спасётся только тот,
Кто из России удержит.

И понеслась толпа французов
Бежать назад, не чуя ног!
А им для скорости Кутузов
Давал пинка, где только мог.
Неслись французы без оглядки,
Как будто зайцы от волков...
Спаслись лишь жалкие остатки
Наполеоновских полков.

На островке Святой Елены
Сидел Буонапарте пленный.
В тоске, больной, скончался он...

Зато бессмертны и нетленны
Коньяк и торт «Наполеон»!

Александр Дюма-отец

Сочинил Дюма тома –
Плодовитым был Дюма.
Я читал его романы:
Королевы, Д'Артаньяны,
Шпаги, честь, любовь, дуэли,
Тайны, яд, коварный враг...

Говорят, на самом деле
Было всё совсем не так.

Только – это ж не учебник
По истории тех лет...
Как он выдумал! Волшебник!
Никаких претензий нет!

Лев Толстой

Был он графом,
также – глыбой,
Шибко добрый и простой;
Мясом, салом, даже рыбой
Не питался Лев Толстой!
Он попашет спозаранку,
Выпьет крынку молока,
Проходящую крестьянку
Схватит (в шутку!) за бока;
Сельских девок... тьфу ты – деток! –
Обучая на дому,
Никому – плохих отметок!
И по шее – никому!

А потом писать садится:
«Не могу, – кричит, – молчать!
Вона что кругом творится!
Буду смело обличать!
Вот вам повесть про чечена,
Вот рассказ про Филипка,
Вот романище толстенный
(Это – точно на века!):
Про Болконского с Наташей,
Анну, Вронского, Фру-Фру;
Всё, как есть, из жизни нашей, –
Гадом буду, если вру!
Не кончав Литинститута,
Я на весь известен мир,
И пишу настолько круто –
Отдыхает ваш Шекспир!..

...Что? Анафема Толстому?
Отлучаете меня?
Я скажу вам по-простому:
Это полная... фигня!
Отлучайте, проклиняйте,
Как хотите, господа,
Но меня Россия – знайте! –
Не забудет никогда!»

Заклеймит различных гадов
Гений мысли и пера, –
Тут вечерних променадов
Приближается пора.

И, как славный грека древний,
Бородатый и босой,

Перед сном повдоль деревни
Прогуляется Толстой.

* * *

...Он потом сбежит из дома –
От интриг, совсем больным...
Что тут скажешь? Ессе homo! *
Нам слабó тягаться с ним.

* «Ессе homo!» (лат.) – «Вот человек!»

Михаил Горбачёв

Смесь попугая и павлина,
Самозабвеннейший трепач,
Почётный гражданин Берлина,
В России прозванный: «Горбач», –

В генсеки вылез он – и сразу
Решил спиртное запретить...
Неужто думал – по указу
Россия тут же бросит пить?

С пятном на черепушке лысой,
Во всём он слушался жену,
Везде таскался он с Раисой –
И та «достала» всю страну!

Он «перестройку» начал бойко, –
А мы её терпели стойко...
Мне вспоминается куплет,

Частушка тех дурацких лет:
Мол, по Союзу мчится тройка,
Суть – Мишка, Райка, перестройка!
Смеялись...
Взвыли, лишь когда
В России кончилась еда.

К нам снова, как во время оно,
Вернулись карточки, талоны –
На всё! включая панталоны, –
Вот разве что не на ботву...
Как будто вермахта колонны
Опять явились под Москву!

И с Горбача пошёл повсюду –
По всей стране – раздрай, развал...
Но кто же он? Дурак? Иуда?

Я б – тем и тем его назвал.

Борис Ельцин

«До Горбачёва» был Бориска
Номенклатурным коммунистом...
Ортодоксален и неистов,
Клеймил господ капиталистов!

Но – «перестройка» началась;
Пришла возможность хапнуть власть.
Смекнул Бориска, что почём –
И разругался с Горбачом.

В мешке с моста был брошен в реку,
«Шил» покушение Генсеку, –
И, хоть понятно было – врёт,
Народ поверил человеку...
У нас – доверчивый народ.

А Ельцин – шашь, и в «демократы»!
И, возлюбив, как маму, Штаты,
Под руководством Си-Ай-Эй*
Сломал хребет стране своей.

Страны СССР – не стало...
О Боже, что тогда настало!
Везде грызня.
Везде резня.
Пошла бандитствовать Чечня.
Прихватизация.
Гребёж.
Кто вор, кто власть – не разберёшь.
Продажность.
Рэкет.
Проститутки.
Уже не более, чем шутки,
Понятья «совесть», «честь» и «стыд»...
И ЕБН над всем царит.

Вопит измученный народ –
А Борька слушает да пьёт...

И как-то – видимо, по пьянке –
Он на парламент двинул танки!
И расстреляли танки всласть
Законодательную власть...

Потом, решив, что он артист,
На сцене дёргался под твист.
Лечился. Пил. И в пьяном раже
Руководил оркестром даже.
Потом...
Но, впрочем, стоп. Довольно.
Обидно, пакостно и больно.
Я прекращаю свой обзор.

И как хотелось бы навеки
Забудь об этом человеке!..

Но как забыть такой позор?!

**С.И.А – Центральное разведывательное управление США*

(, ,)

С поговоркою этой не спорьте –
Мудр и точен в ней русский народ:
Старый конь – борозды не испортит!
Он, старик, до неё не дойдёт...

А вот французов-бабников премудрости итог:
«Чего желает женщина – того желает Бог!»
Логичный вывод деляя, дурею я слегка:
Бог хочет шубку новую, цветы и мужика?!

Кто сказал, что, мол, свистеть –
Значит, денег не иметь?
Получают мало, что ли,
Судьи в нынешнем футболе?

Поэт ли, актёр, агроном ли, охранник –
Гордитесь, что «профи»! Но только учтите:
Профессионалы – склепали «Титаник»,
А Ноев ковчег – изготовил любитель.

Весь мир – театр, а люди в нём актёры...
Но хочется узнать мне, например,
Кто в нём гримёры или билетёры?
Кто режиссёр, директор, костюмер???

«Не мы такие – жизнь такая!» –
То ль оправданье, то ль нытьё...
Неправда, люди! Жизнь – ТАКАЯ,
Какой Мы делаем её.

В этой формуле старой – ретушь.
Впрочем, тоже мне – код Да Винчи!
«Выживает сильнейший»... нет уж.
Выживает подлейший нынче...

Сказал когда-то Аристотель:
Мол, «друг-приятель мне Платон, –
Но для меня, в конечном счёте,
Дороже истина, чем он».
Нам тоже истина дороже!
Но вот загвоздка, вот беда:
Мы смотрим на одно и то же,
А видим – разное всегда...

Весна идёт!
А я сижу в апатии.
В стране бардак,
и в мыслях ералаш.
Увы! Как быстро стал при «демократии»
Поэт в России меньше, чем торгаш...

Не всё продумал Бог, творя людскую плоть.
Упущенное мы доделываем сами.
К примеру, вот:
рогов не дал тебе Господь?
Скорей женись, дружок! –
И будешь ты с рогами.

Когда-то Пушкин просто чуждо
Сказал за наш электорат:
«Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!»

В самооправдание так приятно
Сознавать, что и на Солнце – пятна!..

Украдёшь зерна мешок –
И тебе впают срок.
Если всю страну обманешь –
То в «Роснано» шефом станешь.

...Крикнул мальчик:
«А король-то – голый!»
Прост и прямодушен был юнец...
Вот и всё. И сказочке конец.
...А мальчонке отрубили голову.

«Я слышал, что выход найдётся всегда,
Безвыходных нет ситуаций!» –
Себя утешал некто Бруно, когда
Костёр начинал разгораться...

– «В спорах истина рождается», – как метко!..
– Да, эффектный афоризм... но, к сожалению,
В них – припомните! – рождаются нередко
Только скверные взаимоотношения...

Опять «внезапно» (три ха-ха!)
Зима настала,
Электросети, ЖКХ
Врасплох застала...
Век двадцать первый на земле –
Но то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела...

Слышал я: правды нет в ногах!

Ну что ж, похоже...

Но выше ног – увы и ах! –

Нет правды тоже.

У земного тяготенья преподлейший есть каприз:

Бутербродное паденье непременно маслом вниз!

А вот ежели обмазать бутерброд со всех сторон?

Неужели, приземлившись, кувыряться станет он?

Представьте-ка себе гротеск,

Сюрреализм такого толка:

Приходят ноги в тёмный лес –

И кормят волка!..

Мой дядя самых честных – правил,

Нечестных – тоже... Тем и жил.

Но кто, друзья, его заставил?

Да он – корректором служил!

...Решил Робинзон,

довольный, как слон:

«Останусь-ка здесь, в самом деле!

Ну, где ещё впредь

смогу я иметь

Семь Пятниц на каждой неделе?!»

«Беда, коль пироги начнёт печи сапожник,

А сапоги тачать пирожник»...

Вы ещё не слышали, дедушка Крылов,

Песен в исполнении парикмахерóв!..

«Чёрненького кобеля
Не отмоешь добела!»
Актуальной поговорка
До М. Джексона была...

Верь мне или же не верь,
Жаба – самый страшный зверь!
Жаба давит,
Жаба душит,
Превращает в камень душу...

Нынче каждый знает с детства:
«Хочешь жить – умей вертеться!»
Так живём мы, как один,
Под девизом балерин...

«Уронили Мишку на пол,
Оторвали Мишке лапу»...
Жаль, мы в восемьдесят пятом
Так не сделали, ребята!..

Жизнь изменилась...
Но в русской глубинке
Люди во многом живут по старинке:
Верят, блаженные (даже теперь!),
Что человек человеку – не зверь...

Мы – патриоты! Поэтому дико нам
Глупую выдумку правдой считать:
Мол, над каким-то Парижем задрипанным
Даже фанера умеет летать...

«Вам помогу я! Про обман не может быть и речи!» –
Воскликнул Гудвин. – «Вот сердцá! На выбор!»

Но в ответ

Сказал Железный Дровосек:

«Да мне бы лучше – печень...»

Я весь железный, но, увы, моя печёнка – нет...»

Пусть давным-давно подметил

востроглазый наш народ,

Что ногам башка дурная век покоя не даёт, –

Но известно повсеместно и юнцам, и старикам:

Сколько ж всяческой работы задаёт она рукам!..»

«Значенье Тулы для республики огромно!» –

Я помню тульских транспарантов антураж;

Но... фраза Ленина утрачивала скромно

На них вторую часть: «Народец там не наш»...

О выборах ещё товарищ Сталин

(А он-то был в политике мастак!)

Сказал: «Неважно, как голосовали;

Куда важнее – посчитали как»...

Увидев сей «митинг протеста»,

От хохота начал давиться я:

Кому и кобыла невеста,

Кому и Собчак – оппозиция...

«Борьба с коррупцией!» – вещает

Нам зомбоящик год от года...

Как это мне напоминает

Движенье «Пчёлы против мёда»!..»

Страшненькая фантасмагоренька

*«...А когда принахмурятся бровеньки
Да запустят в тебя телефон,
Ты настраивай быстренько ноженьки
И беги поскорее за Дон.»*

Татьяна Рытенко. «Подруги»

Дал мне Боженька глазоньки, ушеньки,
К рифмоплётству желанье вручил;
А ещё дал мне Боженька ноженьки
И настраивать их научил.

Вот, бывало, настрою я ноженьки
И на них – поскорее за Дон,
Если вдруг принахмурятся бровеньки
Да запустят в меня телефон.

Не сбегу – будет больно головоньке:
Телефон-то, он твёрдый небось!
Вот бы всем повыщипывать бровеньки,
Чтоб легко графоманкам жилось!!!

Одиноко быть мудрым на свете...

«Я полгода уже на Стихире,
Давит это на ум и на грудь,
И, чтоб жить с пародистами в мире,
Я решил, что пора отдохнуть!
И в Бад Кройцнахе нынче гуляю,
В кирху, Маркс где венчался, зайду.
Вот и осень, мне грустно, страдаю,
Что здесь близкой души не найду.
А над кирхою небо безбрежно,
Интерпол не тревожит и МУР,
Посижу на скамье безмятежно,
На которой сидел Ататюрк.*

...

*...Ей дышал перед смертью де Голль.
Три бассейна, сначала я - в правый,
Все лечение – двадцать минут,
Да еще полчаса костоправы...*

...

*Одиноко быть мудрым на свете,
Взрослых нет на Стихире со мной...*

...

*Но зато много женщин счастливых,
Что мои обожают стихи,
Я люблю их – безумно красивых
За их слезы, мечты и грехи!»*

Михаил Гуськов. «Бад Кройцнах»

Я полгода уже на Стихире,
Сам себе на Стихире я рад!
Я бы жил с пародистами в мире,
Но они, дурачки, не хотят.

От стихирских пародий безликих
И в уме, и в груди моей боль!
Провырнусь-ка по следу великих:
Фауст, Маркс, Ататюрк и де Голль...
Мне и эти не ровня, но всё же
Достают мне хотя б до носков!
МУР молчит. Интерпол не тревожит...
Жаль. Я думал – всем нужен Гуськов...
Три бассейна, сначала я – в правый,
Всё лечение – двадцать минут.
Спину мнут мне всюю костоправы...
Психиатры зачем-то идут...
Вот и осень, мне грустно, страдаю,
Что здесь близкой души не найду.
Стоп! Хорошая рифма: «гуляю»!
Вот ещё обалденней: «зайду»!
Одиноко быть мудрым на свете
(Это я про себя, про себя!)
Все в поэзии – сущие дети,
Из поэтов на свете лишь Я.
Но зато, кто мне пишет упорно,
Что мои обожают стихи,
Те – умны и красивы, бесспорно!
Я таким отпускаю грехи.

* Стихи́ра – обиходное название литературного портала Стихи.ру (А.Т.)

Поэтам верьте, господа!..

*«Во всех влюбляйтесь, господа:
В себя, в соседа, в управдома,
В столбы, в берёзы, в города,
В прохожих, вовсе незнакомых!..*

*Нет, здесь взаимность ни при чём,
Не надо замкнутого круга!
Предмет, которым увлечён,
Час скрасит вашего досуга!*

*И потекут из вас рекой:
Сонеты, стансы, вирши, оды,
Чтоб свой насиженный покой
На долгие утратить годы,*

*И воспевать предмет любви
До колик в печени, до дрожи,
И вдохновение ловить,
Свой вклад в Стихиру приумножив!!!»*

Эдель Вайс. «Во всех влюбляйтесь, господа...»

Поэт воскликнул: «Господа!
Во всех влюбляться – аксиома!»
Поэтам верил я всегда...
И вот – влюбился в управдома.

Стал воспевать предмет любви
До колик в печени, до дрожи,
И стал везде его ловить,
Чтоб человеческий род умножить!!!

Кричал напуганный «предмет»,
Что он и сам – мужского пола,
Но – всех любить велел поэт:
Хоть мужика, хоть... богомола!

Вдруг из меня, игрив и чист,
Вовсю потёк поток... искусства!

...Не увидел бы пародист:
Опошлит, гад, святые чувства...

Артиллерист

*«Не влюбляйся в меня ты – не надо,
Не тревожь свою юную плоть.
Отзвучала моя канонада,
Порох вымок, рассыпалась дробь».*
Пётр Митрохин

Не мечтаю о юных девицах,
Стариковской покорен судьбе.
Порох есть ещё в пороховницах, –
Правда, сыплется он при ходьбе...

Вы меня не жалейте – не надо.
Пусть совсем, как мужчина, я плох,
Но – какая звучит канонада,
Если съем я на ужин горох!!!

2002 г.

Разговоры...

*«Дубам негромко говорю я: «Здрасьте»,
Дубы мне отвечают: «Здравствуй, Пётр».*

Пётр Митрохин

Мельчает муза!
Раньше, время было,
В стихах звезда с звездой говорила;
А ныне – повествует нам пиит
О том, как дуб с дубами говорит...

2003 г.

Экс- секс-террорист

*«Какие-то нас женщины жалели,
Какие-то любили нас взасос,
Порою мы без смысла и без цели
Брели среди чарующих берёз».*

Юрий Медников

Какие-то нас женщины жалели,
Какие-то любили, как могли;
А я им всем доказывал на деле,
Что мужики по сути – кобели.

Менял по десять женщин за декаду,
И Дон-Жуан – пацан передо мной!
Троим одновременно серенаду,
Бывало, распевал я под луной.

Был крепок дух в моём здоровом теле,
Я в сексе передышек не просил!
О, сколько я измял чужих постелей, –
Геракл бы умер от потери сил!

...Но годы шли – безмолвно и бесстрастно, –
И вот я стар. И пыл былой угас.
Уже хочу – отнюдь не ежечасно;
Уже могу – дай Бог, в полгода раз...

Ах, где ж вы, те, что так меня жалели?!
С другими вы целуетесь взапас...
Мне только и осталось, что без цели
Бродить среди чарующих берёз.

2001 г.

Экономная

*«Я к гадалкам ходить не терплю.
Что из карт они мне раздобудут?*

...

Не поэтому ль я близорука».

Елена Барткевич

Я к гадалкам ходить не терплю.
Ведь за каждую карту гадалка
Получает с меня по рублю, –
А рублей мне, естественно, жалко.
Я не то, чтобы жадная, – нет!
Экономная – в этом вся штука.
Дома свет экономлю пять лет...
Не поэтому ль я близорука.

Клинический случай

*«Я чисто выбрит. Вдруг мотив
Транзистор выдал мне.
Мой скромный мозг его схватил
На радиоволне.»*

Николай Зимин. «Мотив»

«Твой скромный мозг – не для стихов!» –
Твердят повсюду мне...
Зато – он всё хватать готов
На радиоволне!
Поймаю им «Европу-Плюс» –
И не сочту за труд!

...А психиатров не боюсь:
И в дурдомах – живут!

Продолжение дуэли

*«Стреляйте, – говорю, –
Мне холодно, поручик,
На сквозняке времён.»*

Владимир Сотка. «Дуэль»

«Стреляйте», – говорю, –
«Мне холодно. Простыну.
Поручик, я не йог,
Я так не закалён!»
Он с выстрелом тянул...
И жуткую ангину
В тот день я подхватил
На сквозняке времён.

Сегодня врач сказал,
Что скоро я поправлюсь.
И, если вновь судьба
С поручиком сведёт,
В тулупе на дуэль
И в валенках отправлюсь:
Не простужусь! А он –
Сам,
со смеху,
погрёт.

Спрашивал? Отвечаем!

*«Меня вопрос одолевает:
Бывают блохи у блохи?
А у клопов клопы бывают?
Ну, как тут не писать стихи!»*

Валентин Киреев

...Вопросом о клопах и блохах
Киреев так измучен стал,
Что даже вызвал призрак Блока –
И к Блоку с блохами пристал!

Поэт послушал... и ответил.
И был ответ его таков:
«Когда я жил на этом свете –
Я не писал таких стишков!
Причину всякий понимает, –
Но вам, любезный, объясню:
Мозгов наличие – мешает
Писать подобную...

фигню...»

Не оценили...

*«У нас в деревне, окромя гармошки,
Других роялей нету ни фига,
«Напрутся» девки жареной картошки,
И девкам нашим по фигу «фуга»!*

...

*Вот так и веселюсь на общем фоне,
Со мной противно, без меня – беда!
Умею я играть на патефоне,
А прочие гитары – ерунда!»*

Валентин Киреев. «Умею я играть на патефоне»

Плясали девки танги и кадрили,
А я стоял в стороночке всегда:
«С тобой противно!» – девки говорили.
А я-то думал, без меня – беда...

Но как-то летом, в солнечное утро,
Я патефон нашёл на чердаке.
Теперь держитесь, девки! Будет круто!
В деревне появился диск-жокей!

И начал я играть на патефоне
(Не зря же заимел я патефон!),
И на беспатефонном общем фоне
Смотрелся, будто местный фон-барон.

Я поднимал культуру в деревушке,
Ни сил, ни патефона не щадил,
Играл на ём фокстроты и частушки,
И даже пасодобли заводил!

Но мужики меня аккордеоном
Цинично отму...тузили вчера:
Мол, ты своим дурацким патефоном
Спать не даёшь деревне до утра...

А больно – по башке аккордеоном!
Нашли, козлы, ударный инструмент...
Придётся мне расстаться с патефоном
И с горя пить. И нюхать клей «Момент».

Воплощение идеи

*«Что за народ! Дивимся иностранщине
И дуром прём в расставленную сеть...
Пороть бы нас! На Тульщине, Рязанщине,
По всей Руси – и плакать не велеть!»*

Валентин Киреев

Неважно, где – на Тульщине, Рязанщине –
Прохожего за шиворот возьму:
«Ну, что?» – скажу. – «Дивился иностранщине?
Пёр дуром в сеть? Так поучись уму!»

И, буквой «зю» загнув его у дерева,
Сниму ремень – и плакать не велю!

...Да,

автора идеи – В. Киреева –
Надеюсь, тоже скоро отловлю.

Старый знакомый

*«Я, конечно же, вовсе не лучший из лучших,
На столбах и заборах не клею афиш,
Но посредством меня, наш великий, могучий,
Мудрый русский язык, ты с людьми говоришь!»*

Валентин Киреев

«Всею я прежде всего личной скромностью дорог!
(Хоть во мне всяких прочих достоинств – не счастье!)
Я не клею афиш на столбах и заборах:
У меня для такого – расклейщики есть.

Я, конечно, не лучший –
так, просто великий...
(Беспардонно хвалить сам себя не привык!)
Суперменоподобный и ангелоликий,
Это ж я изобрёл мудрый русский язык!

Изобрёл алфавит, междометья, глаголы, –
Ну, короче, слова, – и придумал букварь;
Чтоб учили язык, я придумал вам школы,
Накропав мимоходом «Толковый словарь».

Славный вышел язык – всех богаче и краше!
Забирайте! Дарю! Вот я, братцы, каков!»

...Так посредством Киреева в городе нашем
Бредил вечно живой

господин Хлестаков.

Ерундист

*«Я однажды в саду посадил Ерунду.
В полный рост разрослась Ерунда!
Может быть, оттого, что в соседнем пруду
Только ей и годилась вода...*

*Я не знаю причины, но прет Ерунда
Всем на диво сочна, зелена,
В две руки толщиной, вот только беда:
Ни на что не годится она!!!»*

Валентин Киреев. «Ерунда»

Я однажды в стихи напихал чепухи...
Как легко мне писалось, друзья!
А когда ерунды я добавил туды,
Понял: вот где стихия моя!

Я не знаю причины, но прут из меня,
Как из вешней земли лопухи,
Ерунда, чепуха, дребедень и фигня:
Всем на диво, а мне – на стихи!

И – клепаю шедевры один за другим,
Штук по двадцать в удачные дни!
Что там Пушкин да Блок? С появлением моим
Ни на что не годятся они!

Присядь, прохожий...

*«Вот этот куст – он для чего-то создан,
Он, как и ты, и дышит, и грустит,
И молится своим богам и звёздам,
И спит, наверно, и во сне... летит...»*

*Летит во сне к неведомым планетам,
Где ждёт его заветная мечта...
Он мог бы стать, наверное, поэтом...
Задумайся, прохожий, у куста.»*

Валентин Киреев. «Остановись, прохожий...»

В укромном месте ты присел, прохожий,
Под куст, всю зелёный по весне...
А знаешь ли, что этот куст – он тоже
Видал вчера Зюганова во сне?!

Ты чувствуешь – тебя он веткой гладит?
Он поиграть пытается с тобой!
Ты только не волнуйся, Бога ради:
Ведь куст – зелёный, а не голубой.

Он, между прочим, мог бы стать поэтом,
Киреевым всей лесополосы!
Прохожий – ты задумайся об этом,
Пока под ним кряхтишь, спустив труссы.

– И давно вы страдаете от пьянства?

– Что вы, доктор! Я от него не страдаю. Я им наслаждаюсь!!!

(Анекдот)

«...Вам предстоит тяжёлый изнурительный отдых...»*

В последнем году последнего века второго тысячелетия оказался я на популярной в наших краях туристической базе. Отдохнуть приехал. В начале мая, – прямо как знаменитая тютчевская гроза. На сутки всего-то, – но зато за казённый счёт. «Отлично!» – скажете вы. Ну... возможно. Если не считать некоторых нюансов. Потому что приехал я туда не один, а в компании: дружной весёлой компании врачей нашей городской больницы. Каким образом я, человек, не имеющий никакого отношения к медицине, попал в эту компанию, и почему нам была оказана такая честь – отдохнуть на халяву – разговор отдельный, долгий, а потому давайте об этом как-нибудь в другой раз, хорошо?

В те годы по телевизору гоняли рекламный ролик, в котором кто-то вкрадчиво спрашивал: «Что пьют красивые, очень красивые люди?» И, естественно, тут же выяснялось, что очень красивые люди пьют исключительно вот такую-то хрень (не помню названия), и никакую другую. А тот, кто пьёт что-то иное – тот, соответственно... ну, вы понимаете. Да что уж, реклама – она и есть реклама, относиться к ней можно как угодно, главное – всерьёз не принимать.

Я это к чему вспомнил? К тому, что хочу задать вам похожий вопрос: «Что пьют наши медики?»

*Шутка команды КВН «Дети лейтенанта Шмидта», г.Томск.

Для людей особо въедливых уточню: «Какие из алкогольных напитков пьют наши медики?»

...Нет, медицинский спирт, конечно, пьют, а как же. Но спирт – это, друзья мои, ответ неточный и неполный. Это, я бы сказал, только малая часть ответа. А точный, полный, внушающий уважение понимающим людям ответ звучит так:

Из алкогольных напитков наши медики пьют ЛЮБЫЕ!

Спирт? Отлично! Коньяк? Великолепно! Вино? Давай! Текила? Замечательно! Виски? О'кей! Самогон? Легко! Брага? Пойдёт! Водка? Ур-ра-а-а!..

При желании нетрудно этот перечень продолжить, но зачем? И так всем всё ясно.

...На турбазу нас привезли примерно в полдень. Официальное открытие сезона должно было состояться только через пару недель, поэтому здесь не было ни души. Никто не мог испортить нам отдых. И мы – никому. Встретившего нашу компанию сторожа можно было не считать: он опасно оглядел весёлых докторов, сунул в руку стоявшему ближе всех ключ от домика и мгновенно ретировался куда-то.

Побросали вещи в отведённый нам домик, переоделись и – здравствуй, матушка-природа!

Ёлочки-берёзки, травки-кустики, всяческие птички!.. Недалеко от домика – полянка для костра. А если немного пройти по широкой, утрамбованной тысячами и тысячами ног тропинке через лесок – выйдешь к небольшой живописной речушке с забавным названием Стерлядка. Логично предположить, что когда-то, во время оно, в этой речушке водились не только пескарики да ёршики, но и самая настоящая стерлядь (и я даже читал об этом в каком-то крае-

ведческом очерке). Теперь же поимка занюханного сопливого ершишки размером с мизинец становилась таким событием, что доводила счастливого рыбака едва ли не до оргазма.

Полюбовавшись Стерлядкой, побродив немного по её пологому берегу, я двинулся обратно, прихватив по пути, сколько мог, хороших сухих веток для костра. С «костровой» полянки уже вовсю доносились энергичные голоса и смех: доктора организовывали «скатерть-самобранку». Что составляло большую – если не бóльшую – часть привезённого ими с собой провианта (закупленного на специально выделенные для этого казённые деньги), догадаться нетрудно... Среди батареи разнообразной стеклотары я узрел даже пару бутылок марочного муската. О, наши доктора отнюдь не чужды эстетики и даже, я бы сказал, утончённости!

А кроме того – когда ж такое бывало, чтобы вино оказалось лишним???

Сгрузив принесённое мной в уже натасканную кем-то кучу хвороста, я принёс из домика привезённые с собой колбасу, консервы и водку, что было встречено одобрительными возгласами. «Я же говорил – наш человек!» – довольно хлопнул меня по плечу патологоанатом Виталик. «Кто спирт не пьёт, не кроет матом – тот не патологоанатом!» – браво ответил я слышанным где-то стишком. Это вызвало у народа прямо-таки бурю восторга, а Виталик торжествующе оглядел всех и, воздев к небу палец, многозначительно сказал: «Вот!!!»

О да! Я ведь уже говорил вам, дорогие читатели: наши доктора – эстеты, люди утончённые, и поэзия, как всякое подлинное искусство, вызывает самый живой отклик в их чутких просветлённых душах...

(В дальнейшем выяснилось, что я, как ни странно,

знал едва ли не больше шуток и, как сейчас модно говорить, «приколов» про врачей, чем они сами. Поэтому периодически выдавал им неизменно вызывавшие бурное одобрение свои, а чаще – народные перлы типа:

«Выходят из больницы после тяжёлого рабочего дня патологоанатом и проктолог.

Патологоанатом:

– Смотри, смотри – кругом люди! Живые люди!

Проктолог:

– И лица! Лица!!!»)

...Вот, наконец, всё готово. У всех в руках наполненные пластиковые стаканчики. Хирург Андрей, «душа компании», встаёт с бревна и торжественно произносит:

– Дорогие друзья!..

«Опа! – думаю я. – Неужто речь толкать будет?..»

Но, к счастью, говорил Андрей недолго, а суть его тирады свелась к бессмертному тосту Полиграфа Шарикова: «Желаю, чтобы все!»

– Ура! – дружно гаркнул народ.

И немедленно выпил.*

Согласитесь: среди таких эрудированных людей, как наши доктора, просто обязан был находиться хотя бы один знаток народных традиций. И таковой, конечно же, имелся, причём далеко не один. «Между первой и второй – перерывчик небольшой!» – выкрикнули сразу несколько голов.

* Из этой одной-единственной фразы состоит глава поэмы в прозе Вениамина Ерофеева «Москва – Петушки», называемая «Серп и Молот – Карачарово».

Не уважать народные традиции – это, друзья мои, кощунство. Следовательно – выпили.

«Бог любит троицу!» – тут же напомнил окружающим анестезиолог Паша.

О, этот эрудит явно был знатоком религиозных норм христианства! И если не уважать народные традиции – это кощунство, то не выпить немедленно после такого напоминания – нечто настолько чудовищное, настолько бесчеловечное, что об этом жутко и подумать! Пластиковые стаканчики вновь дружно взметнулись в воздух.

Признаюсь честно: я филонил. То есть, начиная со второй, выпивал примерно половину налитого мне, оставляя другую на следующий заход. Поначалу я побаивался, что это вот-вот заметят, и кто-нибудь укоризненно скажет мне, как Промокашка Шарапову: «Не-не, фраерок, – полный!» Но ни укоризненных голосов, ни обличающих взглядов, к счастью, не дождался. Да и неудивительно – ведь это доктора, люди воспитанные, интеллигентные в самом высоком значении этого слова!

Хотя, может, просто не заметили. Ну, или по фигу им.

«Лейся, песня, на просторе...»

А вот и зазвучала гитара!

Другой хирург, совсем ещё молодой парень Вадик ожесточённо... одухотворённо ударял по струнам, а все остальные столь же одухотворённо пели. Нет-нет, не какой-то там «Избит гитарой жёлтой», не какие-нибудь «Муси-пуси», что вы! Только мудрые и добрые песни звучали у нашего костра. Сначала пели энергичное.

«Мама – анархия, папа – стакан портвейна!» – гордо несло над поляной.

Само собой, после каждой песни пили.

«Мурка! Ты мой мурёночек!
Мурка! Ты мой котёночек...»

Старая же добрая песня «Лесорубы», хорошо известная многим в исполнении Эдуарда Хиля, в интерпретации наших талантливых докторов походила на какое-то даже не сценическое, а поистине мистическое, ритуальное действо! Андрей, стоя в багровых отсветах пламени и потрясая зажатым в могучей волосатой лапе туристическим топориком, мощно выводил:

– Эге-гей! Привыкли руки к топорам!!!

(Согласитесь, из уст хирурга эта фраза звучит как-то... э-э... зловеще...)

– Только сердце непослушно докторам!!! – подхватывал вторую строку припева Володя.

(...А ведь он кардиолог, – он в этом разбирается...)

Но жизнь тут же вновь казалась лёгкой и прекрасной, потому что Виталик, устремляя в небо указующий перст, сообщал:

– Если иволга поёт по вечерам! –

после чего Вадик, вытянув губы трубочкой, выдавал такое «Тюрлю! Тюрлю!», что любой иволге оставалось только позеленеть от зависти, спрятаться в дупло и там плакать, являя собой живую иллюстрацию есенинской строки.*

*«Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло», – писал классик. Хотя любой орнитолог сообщит вам, что иволге в дупле делать, мягко говоря, нечего. Гнёзда эти птицы располагают в развилке тонких горизонтальных веток далеко от ствола, а в случае отсутствия подходящего места – меж двух ветвей.

...Потом пошла чистой воды лирика.

– Чёрный во-о-оран!

Штошты въёо-ошся... – вдохновенно прикрыв глаза, начинал Вадик высоким тенором.

– Над мае-е-ею га-ла-вой? – присоединяясь, трагически вопрошал сипловатым баритоном окулист Евгений.

И все остальные в едином порыве подхватывали:

– Ты дабы-ы-чи не даждё-ошся!

Чёрный во-оран, я не твой!!!

И это было так проникновенно, друзья мои, так трогало душу, что на глазах некоторых исполнителей появлялась прославленная многими поэтами, прозаиками и журналистами скупая мужская слеза...

Как-то совсем незаметно стемнело. То одна, то другая фигура поднималась и исчезала в темноте, через какое-то время возвращаясь. Что ж, врачи – тоже люди, и мочевиные пузыри у них такие же, как у всех.

(Да, в отведённом нам домике имелся туалет со всеми необходимыми аксессуарами... но как это приземлённо, друзья мои! Как это буднично и уныло! Пользоваться банальным туалетом, находясь среди буйства майской природы – разве опустится до такой прозы, такой обыденности настоящий романтик?)

А песни продолжались даже тогда, когда умолкла гитара.

«Аффицэ-эры, аффицэ-эры,
Ваше се-эрце пад прицелом...»

«И в ней лежит»

Из темноты появилась очередная фигура и села рядом со мной.

– Выпьем? – предложил я, узнав проктолога Мишку.

– А то! – отозвался тот.

Я плеснул ему и себе немного коньяка.

– Будем жить! – сказал Мишка тост.

– Будем!

Мы сдвинули пластиковые стаканчики, выпили, и тут из ночного мрака вышел к свету костра Вадик.

– И в ней лежит, – внятно произнёс он.

Фраза была настолько неожиданна и загадочна, что мы опешили.

– Да и хрен с ним, пусть лежит, – наконец отозвался Мишка.

– А кто лежит-то? В чём – «в ней»? – любопытствовал я.

– Там, – сообщил без выражения Вадик и ткнул натруженным гитарой пальцем себе за спину. – Паша. В речке.

– Твою ма-ать!!! – в один голос взвыли мы с Мишкой и, не сговариваясь, ринулись во тьму.

Ну как – ринулись? В общем, торопились, как могли в нашем состоянии... Я светил на тропинку маленьким китайским фонариком. Хотя «светил» – сказано, конечно, не просто громко, а очень громко: перед отъездом я забыл вставить новые батарейки. Старые же находились на последнем издыхании, и те жалкие фотоны, которые они ещё вырабатывали, годились только на то, чтобы насмешить какого-нибудь местного светлячка. Благо, тропинка была (как я успел убедиться засветло) протоптана едва ли не по идеаль-

ной прямой, корней из земли не торчало, а нижние ветки редких деревьев, не обломанные множеством наших предшественников, находились выше человеческого роста и выкалыванием глаз не грозили. Мишка злобно бухтел:

– Каз-зёл, сука!!! Приехали, ..., отдохнуть!!! Отдохнули, ...!!! Ихтиандр ...!!! ... козла драного!!! Ур-рою суку!

Безусловно, понять Мишку можно. Он человек вовсе не злой, даже наоборот, – но, друзья мои, весёлый патологоанатом Виталик успел рассказать мне ещё в автобусе, что супруга Мишкина была женщиной решительной, нрава весьма строгого и держала мужа, как «железный нарком» товарищ Ежов врагов народа – в тех самых «ежовых рукавицах». В кои-то веки бедолага Мишка вырвался отдохнуть без неё – и пожалте вам, утопленник. Какой уж тут отдых...

Выйдя на берег Стерлядки, мы сразу наткнулись на Пашкину тушку.

Верхняя половина тушки лежала на берегу, вольно раскинув руки – прямо тебе былинный Микула Селянинович, обнимающий Мать Сыру-Землю. Ноги нашего доморощенного ихтиандра и его, так сказать, филейная часть мирно покоились в мелкой Стерлядке. Ихтиандр похрапывал.

– Вот козлина, а! – почти восторженно сказал Мишка.

– Надо разбудить и к народу отвести, а то мало ли... – перестраховался я.

Вытянув за руки всю тушку на бережок, мы принялись будить лжеутопленника. Задача оказалась не из лёгких: пробуждаться он упорно не хотел. Тогда Мишка вновь разъярился и пнул упрямый организм ихтиандра сначала одной, а затем другой ногой, мстительно приговаривая: «Гадом буду, настучу! Настучу твоей бабе, она тебе устроит!!!» И – о чудо: Паша проснулся! Что именно пробудило его –

Мишкины пинки или страшная Мишкина угроза? Я был уверен, что первое. Однако поделившись своей уверенностью с Мишкой, в ответ услышал: «Это ты, брат, просто бабу его не знаешь... Она в ментовке работает. Кличка – Нинка Инквизиция...»

Было заметно, что Мишку обуревают два противоположных чувства: и сострадание к товарищу, которого, подобно средневековому колдуну, терзала инквизиция, – и некоторое злорадство: «Не мне одному такое счастье...»

Пробудившись, недотопленный анестезиолог попросил сигарету и, затягиваясь моим «Союзом-Аполлоном», поведал, что, как и все, удалился в лесок по вполне естественной надобности. Но слишком углубился (я полагаю, исключительно из деликатности) и вышел сюда, на поросший травкой пологий берег Стерлядки. Возвращаться обратно у будущего ихтиандра уже не хватило терпения, и он сделал то, зачем, собственно, и отлучился, прямо здесь. После чего решил, что теперь надо вымыть руки. (О, эти доктора! В любом состоянии, в любой ситуации помнят они о гигиене! Берите пример, друзья мои!) Вымыв руки, Паша резонно подумал, что неплохо было бы помыть и ноги, причём – именно сейчас. Он стал приседать, чтобы снять обувь, но – подкосились резвы ноженьки, поехали по скользкой травушке, и грянулся Паша оземь, оказавшись наполовину (к счастью, на нижнюю) в Стерлядке.

В русских сказках герой, грянувшись оземь, неизменно превращался в добра молодца. Но наш недоутопленник и так являлся молодцем, даже довольно добрым, поэтому превращаться ему нужды не было. Он и не стал этого делать, а рассудил: я всё равно уже лежу – так почему бы не поспать? (О, это – логика, друзья мои, логика! Та самая, которую называют железной. Скажете, нет?) И Паша

заснул крепким сном усталого человека с чистой совестью.

...Мы все втроём потихоньку двинулись по тропинке обратно. «Ёлки-палки!» – думал я. – Неужели у всех докторов *такие* жёны???. Однако... А может, это как-то связано именно с профессией? Возможно, есть в профессии медиков нечто мистическое, неизведанное, губительно влекущее их именно к *таким* женщинам – как некоторых насекомых влекут не ароматы цветов, а совершенно противоположные запахи иных субстанций? А ведь я классе в девятом всерьёз подумывал о том, чтобы после школы поступать в медицинский!..» Вспомнив это, я невольно содрогнулся.

(Позже весёлый патологоанатом Виталик, знаток личной жизни коллег, развеял мои нехорошие подозрения, сообщив, что Мишка и Пашка – и только они двое! – являются известными в узких кругах подкаблучниками, а мне чисто случайно «повезло» в ту ночь оказаться именно в их компании; у всех же остальных дела обстоят далеко не так прискорбно. Просто о крутом нраве Мишкиной супруги он успел рассказать мне, пока мы ехали сюда в автобусе, а о Пашкиной «половине» – элементарно не успел. Так что моя мистическая теория, слава Богу, благополучно скончалась, даже и не родившись толком.)

«Show must go on»*

С полянки доносились удалые жизнерадостные вопли: это наши развесёлые доктора, вдоволь насладившись

*«Шоу должно продолжаться» (англ.) – знаменитая песня группы «Queen».

песнями народов мира, затеяли по очереди скакать через костерок.

Никого из них явно не беспокоили воспоминания о печальной судьбе Снегурочки. Да и правду сказать: не то, что неудачница Снегурочка – какой-нибудь Стивен Сигал, и тот обзавидовался бы, глядя на эти прыжки! Да, пусть он Сигал, а наши эскулапы всего лишь прыгали, – но *как* прыгали! Какие антраша, какие кунштюки выделявали они, отрываясь от грешной земли!

Оба моих спутника тут же пристроились в хвост очереди желающих посрамить всех сигалов и снегурочек, вместе взятых. Мне же показалось куда интереснее не участвовать, а наблюдать за этим захватывающим, живо напоминающим о седых языческих временах зрелищем.

Увы, молодецкая забава вскоре завершилась самым непотребным образом. Уролог Толик, человек, если пользоваться неологизмом Маяковского, «двухметроворостый» и широченный, взмыл над костерком – и совершил в воздухе такое замысловатое (я бы даже сказал – несвойственное биологическому виду *Homo sapiens*), такое мудрёное движение тазобедренным суставом, что индийский мудрец Ватсьяяна, увидав, немедленно помчался бы вносить эту находку простого русского доктора в свою «Камасутру». Я успел подумать, что новое приобретение этого знаменитого древнеиндийского трактата могло бы называться, к примеру, «Игривый гиппопотам»... однако Толик, приземлившись, потерял равновесие, попятился и грузно сел прямо в костерок.

Народ возопил и в едином порыве бросился на спасение товарища.

(О, простые эскулапы из русской глубинки! Каждый из них всегда готов без раздумий и колебаний спасти чело-

века не только в случае его болезни, как велит профессиональный долг, но и в любой другой ситуации: вытащить из воды, из огня... Сегодня я сам в этом убедился и даже участвовал! Уверен: поэт Некрасов, написавший знаменитое: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт», увидев этих матёрых человечих в деле, посвятил бы им ещё более проникновенные строки.)

Товарищ незамедлительно был спасён, однако без жертв не обошлось: во-первых, в результате инцидента костерок оказался Толиком потушен (я бы сказал – задавлен, причём весьма унижительным образом). Во-вторых, фирменные спортивные штаны Толика («Джорданы Бруны недоделанной» – по меткому определению Андрюхи) обрели не запланированные их производителями и различимые даже в наступившей темноте отверстия. Это вызвало прямо-таки пароксизм хохота у всех, – кроме владельца пострадавшего иностранного изделия. Означенный же владелец, подобно Чацкому с его криком души: «А судьи кто?», риторически спросил: «Чё ржёте, козлы?» и с достоинством уковылял в направлении домика.

Отсмеявшись, реаниматолог Юра предложил реанимировать костёр (сразу чувствуется профессионал, друзья мои!), благо, хвороста осталось изрядно. Кто-то включил фонарик, кто-то начал раздувать ещё тлевшие угольки, защёлкали зажигалки, – в общем, «процесс пошёл» (как говаривал один бывший политический деятель, венцом карьеры которого стало рекламирование пиццы на забугорном телевидении). И вскоре костерок наш в буквальном смысле слова восстал из пепла, подобно мифическому Фениксу.

Героическое спасение товарища и последующая реанимация костра подействовали на всех ободряюще и даже несколько протрезвляюще. Мишка очень кстати рассказал

народу о том, как нами был извлечён из вод Стерлядки лжеутопленник Паша. Этот рассказ ещё больше воодушевил весёлых эскулапов, и нам даже хотели выдать по медали «За спасение утопающих». Но медалей почему-то не нашлось, и нам просто налили по «штрафному». Тут с криком: «Без меня пьёте?!» к народу присоединился Толик, успевший в домике сменить пострадавшие спортивные штаны на джинсы. Отдых вновь начал набирать обороты.

«Ой, ма-роз, ма-ро-оз!
Не-э ма-розь ме-ня...
Не-э ма-розь ме-ня-а-а-а,
Ма-а-е-во-о ка-ня!..»

«Я б хотел забыться и заснуть!»

...Как-то внезапно я почувствовал, что, оказывается, очень устал и сильно хочу спать. Поэтому вместо того, чтобы продолжать совместно с коллективом упрашивать мороз не морозить моего белогривого коня, незаметно попятился от костерка в темноту и пошёл в домик. Разувшись, плюхнулся поверх казённого одеяльца на койку, по приезде «забитую» мной в одной из трёх комнат, и уснул практически мгновенно.

...Разбудило меня страшное рычание.

Однажды в зоопарке я слышал, как рычит разозлённый лев, – так вот: это был ОН!!!

Но откуда здесь лев???

И в голову пришла ужасная мысль: это не лев.

Это ещё страшнее.

Это «белочка»...

И тут из соседней комнаты снова раздалось леденящее душу рычание!

А сразу после этого три человеческих голоса заорали (каждый – своё):

– Ты ... уже, ... ! Скотина, ... ! – орал №1.

– Хорош храпеть, падла! Урою! – грозил №2.

– ... , достал, псина! Жаба ... ! – надрывался №3.

И все трое синхронно, будто заранее сговорившись:

– Дай поспать!!!

Думаю, после этого не стóит объяснять, что за рычание так взбудоражило всех. Поясню только: как ни странно, издавать его умудрялся окулист Женька, парень телосложения довольно сублильного. Но громкостью своего нечеловеческого рыка худенький эскулап, похоже, мог бы поспорничать с Мелвином Свитцером, попавшим в Книгу рекордов Гиннеса благодаря громкости храпа в 92 децибела.

...Женька вяло извинялся. Ему кратко, но исчерпывающе разъяснили, где именно видели его извинения. Назревал конфликт.

Я влез в гущу событий и, чтобы разрядить обстановку, рассказал анекдотичный, но реальный случай о том, как в 1915 году в США продавали стопроцентно помогающее лекарство от храпа. Тогда в газетах появилось рекламное объявление: «Эффективность средства подтвердит любой врач! Без механических конструкций и медикаментов вы сможете победить храп даже в самой тяжёлой форме. Вышлите один доллар по адресу...» Всего доллар??? Тысячи людей тут же выслали деньги. Вскоре каждый получил за свой доллар открытку с рецептом: «Абсолютное средство от храпа: НЕ ЛОЖИТЕСЬ СПАТЬ».

Посмеялись. Напряжение спало. Но что делать с Женькой? Применить к нему рецепт изобретательных американских жуликов?

– А пусть на улице спит! – осенило кардиолога Володю.

Моментально он удостоился дружеских тычков, хлопанья по плечам, возгласов «Голова, Вован!» и других знаков одобрения. Женька с матрасом в руках был выведен из домика и отконвоирован к растущему поодаль большому кусту, под которым злосчастный храпун и обрёл временный ночлег. Добрый Володя заботливо укрыл бедолагу поверх одеяла своей брезентовой штормовкой и, посмотрев на дело рук своих, диагностировал: «Ни хрена не замёрзнет». «А если волк? Или змея какая-нибудь?» – забеспокоился реаниматолог Юра. «Да мы тут уже давно всё живое на десять вёрст распугали!» – убеждённо заверил несостоявшийся ихтиандр Пашка. А весёлый патологоанатом Виталик высказался в том смысле, что к источнику такого рычания побоялся бы подойти даже сам Сталин, который, если верить некоторым демократам, только тем и занимался, что ночами лично ходил по домам, вытаскивал спящих людей из постели и уносил их в мрачные подвалы кровавой гэбни.

В словах Павла и Виталия был не только резон, но и гордость: как за весь коллектив, так и за своего отдельно взятого коллегу, обладающего такой неординарной способностью. (О, это – врачи, друзья мои! Они умеют ценить чужой талант, не завидуя, а радуясь ему!)

Тем временем Женька уже начал (пока полегоньку) похрапывать, и мы, опасаясь акустического удара, поспешили в домик.

И наконец-то все уснули.

«Лебединая песня»

«– Дорогой Степан Богданович, – заговорил посетитель, пронцательно улыбаясь, – никакой пирамидон вам не поможет. Следуйте старому мудрому правилу – лечить подобное подобным».

(М.А. Булгаков. «Мастер и Маргарита»)

Пробуждение наше было тяжким.

Состояние таким же.

Мне, возможно, было чуть-чуть полегче, чем остальным, ибо я, если вы помните, *филонил*, выпивая.

Думаю, многие читатели, не отягощённые возрастом, даже не знают такого слова. «Филонил», – поясню я для них, – то же самое, что «сачковал» или «отлынивал». Происхождение этого слова, честно говоря, темно и непонятно, как история мидян, и единого мнения по данному поводу нет. Приходилось как-то слышать этакую «русскую народную» версию: дескать, «филон» – это аббревиатура, составленная из первых букв словосочетания «Фиктивный Инвалид ЛагереЙ Особого Назначения». Человек, мол, каким-либо образом притворялся инвалидом и филонил, то есть не выходил на работу. Придумана эта «расшифровка» была в середине 20-х гг. на Соловках (понятно, кем). Но, друзья мои, поверьте знающему человеку: подобные «расшифровки» гораздый на выдумку криминальный элемент делает, так сказать, «задним числом», искусственно превращая уже имеющееся слово в аббревиатуру. Например, хорошо знакомое нынешней молодёжи словечко «лох» иногда «расшифровывают» так: якобы это «лицо, обманутое хулиганом» (да ещё говорят, будто бы именно так это слово официально расшифровывается в милиц... простите – поли-

цейских протоколах). На самом-то деле это та самая «расшифровка задним числом». Стопроцентная. Собственно говоря, «феня» уголовной среды и «гопоты» (а в последние годы – и не только их, к великому моему сожалению) во многом состоит из подобных искусственных «расшифровок». Иногда просто глупых, как упомянутая уже «лицо, обманутое хулиганом». Хулиганы потому и хулиганы, что хулиганят, а обманывают – мошенники. И ни один милиц... полицейский в протоколе никогда такой чуши не напишет, ибо между неумением составить протокол и увольнением из славных органов частенько самая прямая связь. Правда, филологов из подворотни никакие аргументы не убедят. Даже такой, например, что ещё в XIX веке русский дворянин, поэт, публицист, прозаик, офицер, декабрист Фёдор Глинка в стихотворении «Дева карельских лесов» описывал, как молодой карельский рыбак «беспечных лохов сонный рой тревожит меткою острогой». Согласитесь: вряд ли рыбак тревожил острогой «лиц, обманутых хулиганом». Этимология, происхождение слова восходит к диалекту русского севера (Мурманская, Архангельская области), где словом «лох» обозначали сёмгу, идущую после нереста.

Словам «лох», «бич», «кот», «ира» и уже существовавшим аббревиатурам (вроде «чмо») «сидельцы» – да и не только они – искусственно, «задним числом» придавали другой смысл. Например, «слон». Наряду со всем нам знакомым названием ушасто-хоботастого великана существует с 1923 года и официальная аббревиатура СЛОН, означающая: «Соловецкий лагерь особого назначения». Попавшие в этот лагерь с полным, так сказать, правом делали себе соответствующую татуировку. В декабре 1933 года лагерь был расформирован, но уголовный молодняк, подражая старым «каторжанам», всё равно накалывал себе эти четыре буквы,

быстренько подведя под них новое, притянутое за уши «основание», о котором мне просто противно говорить. До сих пор нет-нет, да увидишь эту наколку на каком-нибудь особо рьяном поклоннике «уголовной романтики»...

«...Эй! Куда тебя понесло? – скажет мне читатель. – Про докторов давай, не отвлекайся!»

И правильно скажет. Но бывает, бывает иногда, что мысль пишущего, а то и весь сюжет вместе с героями вдруг отказываются покорно следовать в русле, уготованном для них автором, и своевольно сворачивают в сторону. Если сам Александр Сергеевич, «наше всё», однажды пожаловался приятелю на Татьяну Ларину: «Представь, какую штуку удрала со мной моя Татьяна! Она – замуж вышла. Этого я никак не ожидал от неё», – то уж моим «татьянам» «удрать» подобную штуку со мной, как говорится, сам Бог велел... Так что великодушно извини меня, о строгий читатель! Вернёмся к нашим баранам... в смысле – нашим докторам.

...Итак, пробуждение наше было тяжким.

Состояние таким же.

Мне, возможно, было чуть-чуть полегче, чем остальным, ибо я, если вы помните, филонил, выпивая.

Но «чуть-чуть», как известно, не считается...

Однако не только булгаковский Коровьев знал, что «*Similia similibus curantur*» – «Подобное излечивается подобным»! Этот сформулированный ещё в древнем Риме медицинский принцип, на котором основано всё гомеопатическое лечение, знал даже я, не имеющий отношения к медицине, – а что уж говорить о докторах?! Поэтому народ собрался на кухне домика вокруг стола...

И немедленно выпил.

Антон Павлович Чехов в письме к литератору Лазареву-Грузинскому сказал: «Нельзя ставить на сцене заряженное ружьё, если никто не имеет в виду выстрелить из него». Обычно эту фразу почему-то произносят несколько иначе, примерно так: «Если в начале пьесы на стене висит ружьё, то к концу пьесы оно должно выстрелить». Но смысл выражения остаётся неизменен: в художественном произведении все детали должны работать на его главную идею, в нём не должно быть ничего случайного. К чему это я? А к тому, что вот тут-то, дорогой читатель, и «выстрелила» вскользь упомянутая мной в начале рассказа пара бутылок марочного муската!

Надо видеть, друзья мои, как преображают вялых, апатичных, измученных людей какие-то сто граммов эликсира! Как распрямляются согбенные спины, разворачиваются плечи; как на устах появляются улыбки; как тусклые глаза, в которых можно было прочесть лишь лермонтовское «Уж не жду от жизни ничего я», обретают блеск и начинают лучиться добром и любовью, буквально восклицая: «Я люблю тебя, жизнь!» Именно эту прекрасную песню мы и запели, не сговариваясь.

Я люблю тебя, Жизнь,
Что само по себе и не ново,
Я люблю тебя, Жизнь,
Я люблю тебя снова и снова.

И даю честное слово: в нашем пении не было и тени ёрничанья.

...В полдень за нами пришёл автобус, симпатичный белый ПАЗик. Откуда-то материализовался сторож и робко

поинтересовался, не забыли ли мы в домике чего-то из своих вещей. Думается, его куда больше интересовало, не прихватили ли мы из домика чего-либо нам не принадлежащего, – но до столь бестактного вопроса интеллигентный страж турбазы не опустился и, опасливо поглядывая на здоровяков Андрея и Пашу, попросил вернуть ему ключ. После недолгого замешательства, чесания затылков, реплик вроде: «А у нас что, ключ был?» искомый предмет обнаружился мирно торчащим в двери, куда его вставили вчера сразу после приезда, больше ни разу не потревожив. Завладев ключом, сторож запер дверь и исчез так же незаметно, как и появился. А вы говорите – Копперфильд...

«Усталые, но довольные, мы возвращались домой».

Так – можно сказать, классически – завершилось множество школьных изложений и сочинений... но что поделывать, если мы действительно возвращались домой именно такими, и эта школярская фраза совершенно точно отражала наше состояние?

По дороге я прочёл весёлым докторам своё стихотворение, в котором говорилось примерно о том, что за времяпрепровождением, подобным нашему, наутро следует неременная головная боль, но она –

...Ничтожная расплата
Для истинных мужчин
За ощущение брата,
За лица без личин!
И мы сойдёмся вместе
Ещё не раз, не два;
В конце концов – не треснет
От боли голова!

Народ искренне аплодировал, и это было очень при-

ятно. Ещё приятней было то, что доктора попросили записать им стихотворение, сказав: «Это теперь будут *наши* стихи!» Положив нашедшуюся у кого-то тетрадку на Вадькину гитару, я записал свою нетленку, отдал сидевшему рядом весёлому патологоанатому Виталику – и тут ПАЗик въехал в город.

...И это первый из моих рассказов о весёлых докторрах.

Может быть, не последний.

Конец.

P.S. «Стой! Куда? А рассказ-то почему так называется?» – слышу я недоумённые голоса читателей. – «При чём тут НКВД?»»

Да, друзья мои, Народный Комиссариат Внутренних Дел (а ведь именно о нём подумали вы, едва увидев название сего опуса?) – так вот, Наркомат внутренних дел тут и вправду ни при чём. Больше того: ни при чём тут и Н-ский Кожно-Венерологический Диспансер! Просто в тот вечер, сидя у костра, я назвал замечательную компанию, в которой оказался, Н-ским Клубом Весёлых Докторов. Сокращённо – НКВД.

Народу понравилось.

2015 г.

Прямо вам скажу: народишко у нас тут – не ахти. Просто – если честно – сброд, а не народишко.

Взять хотя бы этого... который слева от меня живёт... Ведь бревно бревном! Причём во всех смыслах: что по уму, что по внешности. Нет, люди, конечно, подходят, интересуются: всё-таки тварь диковинная, для здешних мест необычная... Но я ведь вижу: смотреть – смотрят, – а нравиться то он никому не нравится! Стоило такую скотину сюда за тыщи вёрст везти, а? Одно слово – крокодил. Хорошего зверя, сами понимаете, так не назовут...

И вот таких у нас полно. Крокодилы, гиены, макаки, дикобразы какие-то... Говорю же – дрянь, а не общество.

Хотя вот, например, слон – это да. Этого я одобряю. Умная животная, спокойная... а здоров как! Эх, мне бы такие размеры, я бы!.. Ну, конечно, и льва уважаю. Поймите правильно, я не монархист... но льва уважаю. Лев – это вам не шакал какой...

Вот, кстати, о шакале. У него на клетке так прямо и написано: «шакал»! Представляете? И ведь ничего, живёт с этим, мерзавец! Жрёт чего-то, на солнышке греется... Мне б такую табличку на клетку прилепили – я б со стыда на собственном хвосте удавился!..

Но у меня табличка, конечно, другая. По-моему, очень даже неплохая табличка. Вот, рекомендую: «Бенгальский тигр. Кличка – Хаджи-Мурат»... Ну, правда, есть нюансы. Насчёт бенгальского – не верьте, брешут. Никакой я не бенгальский, а нормальный уссурийский. Как сказал бы поэт, «родился на берегах Амура». Коренной россиянин, между прочим. А насчёт бенгальского – это они нарочно написали; думают – на импортного больше народу посмотреть

придёт... Напрасно. Не те времена... И по поводу Хаджи-Мурата я поначалу переживал. Уж больно нерусское какое-то имечко... Но Семён – это сторож наш – мне объяснил, что меня так назвали в честь Персонажа Толстого, великого нашего русского писателя. А это, согласитесь, дело меняет. В честь великого писателя – это лестно, хоть я его и не читал... Иногда, правда, берёт сомнение: при чём тут Хаджи-Мурат, если писателя зовут Персонаж Толстой? Людей вообще иногда понять очень трудно...

...Ну, вот и вечер. Закрыли зоопарк! Людей нет, тихо-то как стало... Вот ещё бы мартышек этих в расход вывести! Визжат, бормочут... Мне Семён как-то сказал, что люди, может, от этих самых мартышек и произошли... – да чтоб я сдох! От этих-то кривляющихся неуважительных тварей???

...Потом присмотрелся: а что, знаете, очень даже может быть...

О! А вот и Семён! Здорово, Семён!

Он присаживается возле моей клетки, кивает, говорит: «Ну, чего, Мурзик? Здорово! Как ты тут?» (Семён зовёт меня «Мурзик», это ласкательное от «Хаджи-Мурат»). Он, как всегда, достаёт откуда-то из верхней шкуры* бутылку, вынимает пробку, делает несколько глотков, морщится, хекает, трясёт головой и, довольный, вставляет пробку обратно. Мне так нравится, как он всё это делает, и я хотел бы так же глотнуть из такой бутылки, поморщиться, а потом, выпучив глаза, улыбнуться... но Семён мне давно уже объяснил, что для меня это отравка, и что русскому человеку это способствует, а русскому тигру – нет. Или, как говорили древние, что положено Семёну, то не положено Мурзику.

* *Это пиджак, сколько тебе объяснять? (прим. Семёна)*

Он закуривает. Дым едкий, противный и очень не нравится мне. Семён это знает и старательно дымит в сторону.

«Знаешь, – говорит он, как всегда, глуховато и негромко, – знаешь, Мурзик, вот гляжу я на тебя: ну, какой ты тигр? Ты ж вон ласковый, как котёнок. Ну, чего смотришь? Добрый ты, – я ж такое, брат, понимаю! И умный ты...* А вот Варвара моя – о то да! О то, брат, тигра лютая... И прожили мы с ей... да боле тридцати годов, почитай, прожили, – и ведь каждый год всё лютей, всё стервее...» Он вновь продельывает так нравящийся мне ритуал с бутылкой и вдруг хихикает: «А я, вишь, Мурзик, взял да на старости лет сбёг от ей в город! Живу у племяша, у их квартира большая, я им не мешаюсь, – да я уж тебе рассказывал...» Снова глоток, хеканье... Потом смех: «Главное дело, что по ночам я им не мешаюсь! Я ж ночами всё тут, возле вас, – а у их-то, сам понимаешь, ночью – дело молодое!»

Если честно, я не понимаю, какое это молодое дело ночью, но киваю, ведь если Семён говорит – значит, всё так...

«А знаешь ты, кошачья твоя душа, – продолжает Семён, – кем я в деревне был? Пастухом я был. Это, брат Мурзик, на деревне – самая должность! Потому как всякому свою коровёнку жалко, всякий хочет, чтоб за его коровкой я как следоват приглядывал, чтоб, значит, пас её, как мадаму американскую... Ну и вот, Мурзик, выгонишь коров на луг; трава сочная, хоть сам её хрумти, солнышко греет, птички там, само собой... Небушко высоко-высоко...»

Он говорит – глуховато, негромко, неторопливо, как-то странно при этом смотрит – на меня и в то же время

* Семён, как всегда, совершенно прав (прим. Мурзика)

сквозь, и мне грустно от этого взгляда, и почему-то становится жалко Семёна, а заодно и себя...

* * *

...Семён уходит, шаркая нижними лапами.* Я размышляю о том, что он говорил – и сегодня, и раньше, размышляю о жизни вообще... И засыпаю.

Мне снится яркое солнце, высокое-высокое голубое небо, в котором летают всякие птицы. Под небом течёт мой родной Амур. На берегу стоит клетка с табличкой «Злая варвара», и корявым почерком, – наверное, Семёна, – дописано: «дура». В клетке сидит неприятной внешности варвара и злится. А мы с Семёном не спеша идём по сочной луговой траве... В лапах у нас хворостины...

Мы пасём коров.

1983 г.

* Это ноги, балда!!! (прим. Семёна)

*«Все прогрессы реакционны,
Если рушится человек.»*

А. Вознесенский

Пришёл Серёга и сказал:

– Ты! Эта... как её... Ну, понял, да?

Я, конечно, понял и честно признался, что денег у меня нет. Серёга огорчился:

– Блин!

Потом он попробовал подумать, и у него, наверно, получилось, потому что он заулыбался и сказал:

– А фигня! Я ща эта... Ну, так, короче... – понял?!

И он пошёл за водкой без денег.

Вернулся Серёга уже пьяный, со свежим синяком и милиционером.

Милиционер сказал:

– Здрасьсьте. – И начал отдавать мне честь, но дрогнул и упал.

Серёга, держась за меня, радостно заорал:

– А! Видал? Видал, блин? Вместе пили! Одинаково, понял? А он уже готов! А я не готов! Я как стекло, понял? – И он отцепился от меня, чтобы постучать себя в грудь кулаком, но, видимо, стукнул слишком сильно, потому что упал на милиционера.

Милиционер обиженно проснулся и внятно высказался в том смысле, что Серёга напоминает ему некую интимную часть мужского организма, на которой по странному капризу природы произрастают уши.

Успевший ещё на лету отрубиться Серёга что-то неразборчиво хрюкнул, и успокоенный милиционер снова за-

снул.

А я пошёл в комнату и включил телевизор, потому что начинался футбол. Наши играли с ненашими и в конце первого тайма забили заслуженный трудовой гол. А в самом начале второго тайма из коридора появился Серёга, вышел со мной один на один, но зацепился левой ногой за правую и рухнул.

Появившийся следом милиционер стал подсуживать Серёге и назначать мне пенальти, но не нашёл одиннадцатиметровой отметки и резонно спросил:

– Выпить есть?

Выпить у меня не было. Милиционера это огорчило, и он начал надувать щёки с недвусмысленным намерением облагодетельствовать близлежащие квадратные метры недавней закуской, поэтому я быстренько затолкал его в туалет. В это время наши в телевизоре забили второй гол, а Серёга с пола доверительно сообщил, что придёт домой на закате дня, обнимет жену и напоит коня. Затем Серёге взбрела в голову фантазия подняться, и он почти преуспел, но удивился вышедшему из туалета милиционеру и снова рухнул.

Милиционер же заметил зеркало и сосредоточенно стал в него смотреть. Увиденное его явно озлобило, потому что он презрительно сплюнул себе на подбородок и произнёс фразу, смысл которой сводился к обещанию подвергнуть абсолютно всех противоестественному половому акту.

Серёга с пола закричал, что будет участвовать.

Со второй попытки он поднялся и, поочередно фокусируя на мне то один, то другой глаз, спросил:

– Эта... ну, как её, в общем... А?

Но ни выпить, ни денег у меня по-прежнему не было, и расстроенный Серёга в обнимку с расстроенным ми-

лиционером стали уходить.

Ушли они быстро, всего минут за десять, и я успел досмотреть окончание матча. Наши выиграли, и это было хорошо. А ещё хорошо было то, что завтра воскресенье, и снова не надо идти на работу, и спать я сегодня лягу поздно, поздно, потому что сейчас подойду к шкафу, и открою его, и достану что-нибудь любимое... ну, вот это хотя бы... и, сидя за исцарапанным шатким столом, подперев голову кулаками, буду читать, буду выпитывать эти удивительные сочетания слов...

«...Звонкий голос раздался. Он взгляделся. Голос был звонкий, прерывчатый, гибкий, словно какую-то птицу занесло сюда ветром. Он стал шарить, беспокойно ища лорнет. Не было лорнета. И этот голос вдруг сказал ему, и никому другому:

– Воспоминания в Царском Селе.

*Он вдруг задрожал, повторяя отвислыми, грубыми, солдатскими губами, без звука, без голоса, эти слова. Он всматривался в школяра, и школяр, казалось ему, смотрел на него. ...Он слушал воспоминания этого птенца, которому ещё нечего было вспоминать, но который вспомнил всё за него в этом саду...»**

Эту книгу подарил мне Серёга – уже давно, когда мы только познакомились. Тогда в стране начинали бушевать «перестройка» и «новое мышление»... а Серёгу звали Сергеем Николаевичем, он почти не пил и преподавал в университете русскую литературу.

2001 г.

* Юрий Тынянов. «Пушкин»

Содержание

СТИХИ

<u>Стихи разных лет</u>	4
<u>Хроники деревни Заманиловки</u>	32
<u>Незнайкины рассказы</u>	43
<u>ОППА</u>	53
<u>Пародии</u>	59

ПРОЗА

НКВД

«...Вам предстоит тяжёлый изнурительный отдых...»	74
«Лейся, песня, на просторе...»	78
«И в ней лежит»	81
«Show must go on»	84
«Я б хотел забыться и заснуть!»	87
«Лебединая песня»	90
<u>Мечта</u>	96
<u>Серёга</u>	100

Литературно-художественное издание

Топчий Александр Васильевич

Нескучный сад

*(стихи и проза:
юмор, сатира, пародии)*

Для оформления обложки
использована фотография
«Нескучный сад. Сцена»
Нatalьи Улановой

*Другие рисунки и фотографии –
свободный доступ в интернете*

Подписано в печать

Тираж договорной

Формат 60x84/16

Отпечатано в типографии «Альтернатива»

Тульская обл., г.Новомосковск,

ул.Коммунистическая, 23